

Он танцевал на сцене Кировского театра ровно двадцать лет, с 1953-го по 1973-й год. И прошел эту временную дистанцию как спринтер, бегун на короткие расстояния. «Пробежал» ее достойно, с полной отдачей, на широком дыхании.

В детстве он жил на улице Зодчего Росси, и, казалось, сам Бог велел ему поступать в Хореографическое училище. Но произошло все довольно случайно. В какой-то день «красного календаря» он вышел с мамой на площадь Островского, был солнечный день, играли оркестры, мелодии были разные, но все ритмично-завлекательные. И вдруг Саша, словно подхваченный звуками музыки, начал танцевать — прямо тут, на площади, к удивлению и радости собравшихся. Может быть, этот день и определил во многом его дальнейший путь балетного артиста.

Грибов был, что и говорить, человеком везучим. Окончил училище по классу Александра Ивановича Пушкина, был тотчас принят в труппу Кировского театра, балет которого только вступал в

АЛЕКСАНДР ГРИБОВ

свою «золотую пору». Еще впереди были спектакли Бориса Фенстера, Игоря Бельского, Юрия Григоровича, Леонида Яacobсона. Нечасто случается так, чтобы в творческой жизни балетной труппы все состоялось, слилось и сбылось, а тут — на редкость: опытные хореографы нашли своих исполнителей, молодые танцовщики — своих создателей танца.

Ирина Колпакова, Алла Осипенко, Анатолий Гридин, Анатолий Сапогов, Эмма Минченко, Ирина Генслер словно ждали своих балетмейстеров, а дождавшись, не обманули их надежд. Александр Грибов был ведущим в этой славной когорте — танцовщик, на которого с удовольствием ставили и индивидуальность которого радостно откликнулась на поиски нового и неизведанного.

Его герои редко появлялись в королевских чертогах, хотя туда залетала его Голубая птица, его Солор был редким гостем во дворце индийского раджи. У Грибова была своя тема — тема русского лиризма, выразившая себя в тонком художественном ощущении народного характера.

Черты этого характера Грибов ярко воплотил во многих ролях: мягкая задушевность окрашивала образ его Остапа в «Тарасе Бульбе» Бориса Фенстера; мятущуюся душу творца, готового ради искусства отказаться от личного счастья, воплотил он в образе Данилы в «Каменном цветке» Юрия Григоровича, работе, ставшей экзаменом на творческую зрелость и для балетмейстера, и для исполнителя; живой пластической речью обладал его Ферхад, где Грибов показал не только блестящее владение классическим танцем, но и умение передать в сложной, необычной хореографической форме все переживания героя, смятение души и напряженные духовной жизни.

Вместе с Игорем Бельским пробивал Грибов обкомовскую стену непонимания, работая над образом Рыбака в балете «Берег надежды» и доказывая своим искусством необходимость создания новых хореографических форм, нового мышления в искусстве танца.

Грибов был замечательным партнером, внимательным, «удобным» и, если хотите, заботливым. С ним выходили у балерин все туры и поддержки. Вспомните хотя бы эту знаменитую «свечку» в третьем акте «Легенды о любви» в дуэте Мехменэ Бану и Ферхада. Саша брал этот рубеж с удивительным куражом, смело и уверенно, словно и не было перед этим сложного, изнуряющего дуэта. С ним танцевали Ольга Моисеева, Инна Зубковская, Алла Осипенко, Нинелла Кургапкина. А какой замечательный дуэт сложился у него с Эммой Минченко в миниатюре Леонида Яacobсона «Птица и Охотник», который так и просился в скульптурное воплощение.

Александр Грибов ушел из жизни, навсегда оставшись в анналах истории Кировского театра, театра, который был для него всегда единственным отечеством.

Игорь СТУПНИКОВ

Мемориальный театр. — 1998. — № 5-6. — С. 9